

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук *Л.Н. Ермоленко*; докт. культурологии *Л.С. Марсадолгов*;
канд. ист. наук *Ю.И. Ожередов*; докт. ист. наук *Т.Д. Скрынникова*;
докт. филос. наук *О.М. Хомушко*; докт. ист. наук *Л.И. Шерстова*;
докт. ист. наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная градация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыах в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнева Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников средней Катунь // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск. 2005.

Молодин В.И. Еще раз о датировке турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.

Николаева Д.А. Отражение возрастного статуса в женской одежде восточных бурят // Мир Центральной Азии. Культурология. Философия. Источниковедение: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. III.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989.

Окладникова Е.А. Петроглифы Куюса (долина р. Катунь, Алтай) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Суразаков А.С. Идея плодородия в системе древних представлений о мире // Материалы научной конференции с международным участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвящ. 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск, 2007.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007.

Л.В. Татаурова, И.Д. Кромм

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН;
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

СТАВРОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТОВОГО МЕДНОГО ЛИТЬЯ У РУССКИХ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ

В современной отечественной исторической науке исследователями еще не достаточно внимания уделяется комплексному методу при изучении позднесредневековой и новой истории. Речь идет о том, что историки пользуются преимущественно письменными источниками и в крайне малой степени обращаются к помощи вещественных, прежде всего археологических, считая, что ар-

хеология редко поднимается выше XVI–XVII вв. Вместе с тем приходится констатировать, что зачастую для решения многих вопросов социально-экономической и духовной жизни общества этих исторических периодов традиционных источников оказывается недостаточно. В этой связи справедливо мнение М.Г. Рабиновича, который писал, что «существующие источники не являются сплошными и оставляют множество пробелов как в территориальном, так и в хронологическом, и в социальном отношении... и надежда на их пополнение сейчас невелика» (цит. по: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981, с. 3).

Очевидно, что одним из основных источников пополнения этого фонда являются археологические исследования, в том числе раскопки памятников русского и аборигенного населения Сибири XVII–XIX вв., тем более, что археологические данные для этого периода особенно многочисленны.

Среди этих данных особый интерес представляют ставрографические материалы, позволяющие исследовать православные традиции у русского населения Сибири и процессы внедрения православия среди аборигенов. Кроме того, кресты-тельники представляют интерес как объект исследования, который включает культурологические и конфессиональные аспекты изучения духовной культуры населения. Вещественные источники при изучении культуры русских в Сибири существенно могут дополнить письменные, а порой и опровергнуть устоявшиеся положения. Примером этого могут послужить попытки интерпретации конфессиональной принадлежности населения по часто встречающимся при раскопках русских некрополей позднего времени крестам-тельникам как старообрядческим, в то время как кладбище по официальным источникам является православным. Это позволяет по-разному оценивать воздействие церковных постулатов на повседневную, бытовую сторону официального православия XVIII в., по крайней мере, в той степени, в которой касается иконографии крестов-тельников. Таким образом, данный пример показывает, что археологический источник может быть использован как исторический.

Кресты-тельники, найденные в захоронениях и составляющие таким образом погребальный инвентарь, могут существенно расширить понимание тех этнокультурных и этногенетических процессов, которые происходили в том или ином этническом образовании на территории Сибири в позднее средневековье (Культура населения..., 2005, с. 13).

По мнению А.В. Ремнева, военно-политическое закрепление границ, административно-правовая русификация и инфраструктурная консолидация, унификация, преодоление коммуникационных разрывов должны были найти окончательное завершение в «слиянии» азиатских окраин с коренной Россией... Это был длительный и сложный процесс, который был призван обеспечить империи большую стабильность и дать ей национальную перспективу. Главную роль в этом должны были сыграть русские крестьяне, призванные превратить «чужую» землю в «родную» и «русскую» (Ремнев А.В., 2008, с. 8). Таким образом, с XVII в. начинается активная колонизация Сибири. Кроме крестьян в этот процесс оказывались включенными даже гонимые за веру русские сектанты и старообрядцы, колонизационные способности и устойчивая русскость которых в Сибири были оценены по достоинству (Ремнев А.В., 2008, с. 33).

Исследования деятельности церкви по распространению христианства среди коренного населения Северо-Западной Сибири (ханты, манси, ненцы, селькупы, сибирские татары) свидетельствуют о том, что в течение XVII в. христианизация не входила в круг первоочередных задач, которые виделось правительству. При отсутствии систематической миссионерской деятельности и политики по запрещению насильственной христианизации аборигенов случаи крещения были редким исключением и связаны с тем, что человек попадал в неблагоприятную ситуацию и выход из нее искал в принятии новой веры или, скорее всего, нового образа жизни.

XVIII в. ознаменовался началом миссионерской атаки на народы Сибири, инициатором которой была не столько церковь, сколько государство. Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада. Это спро-

воцировало насильственное и чисто формальное крещение аборигенов и, соответственно, начало их противодействия миссионерам. В результате миссионерская кампания в Сибири, инспирированная государством, провалилась – окрещенные не стали от этого христианами, а антирусские настроения среди населения усилились. В литературе, например, описывается, что среди обдорских хантов обращение в христианство двигалось медленно. Озлобленные неудачами, миссионеры применяли крайне жестокие меры. Есть свидетельства, что даже из тех, кто крестился, многие вернулись в язычество. «В 1751 г. в Вылпослинских юртах Обдорской волости был только один крещеный хант, да и тот, по словам крестного отца, сатане жертву приносил» (Мельников Б.В., 1997, с. 97).

Поэтому уже во второй половине XVIII в. наметился отход от насильственных методов крещения. Христианство по сути своей религия, в которой идея миссионерства является одной из центральных. Поэтому, несмотря на позицию правительства, духовенство на местах самостоятельно продолжало свой нелегкий путь по обращению нехристиан, а в обществе стали раздаваться голоса, указывающие на необходимость использования православия в интересах укрепления государства, в особенности в иноэтничных и инорелигиозных окраинах. Вообще идея миссионерства буквально витала в воздухе, поэтому призыв Синода в 1828 г. к Казанской и Тобольской епархиям представить планы организации миссии лег на плодотворную почву. В результате было образовано две миссии – в 1830 г. Алтайская во главе с архимандритом Макарием, и в 1832 г. – Обдорская под руководством иеромонаха Макария (Главацкая Е.М., 1997, с. 95).

К середине XIX в. новые тенденции в области национальной политики, а следовательно, взаимоотношений церкви и коренных народов Сибири стали проявляться более отчетливо. Подъем национального самосознания вызвал поиски истоков «русскости» в православии и поставил перед деятелями церкви задачу не только защиты православия, но и распространения его на всех подданных империи. Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравниванию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «инород-

цев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных инородцев, мало или ничем не отличающиеся от крестьянских (русских) сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

С этого времени начались непрерывные поиски, в первую очередь теоретические, по созданию миссионерских программ и организации миссионерской деятельности. Была создана сеть учебных учреждений, готовивших миссионеров; активизировалась работа по переводу священных текстов на языки народов Сибири, что во многих случаях послужило катализатором появления и учебной литературы на национальных языках; создавались и публиковались инструкции для миссионеров и т.д. На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочнение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было пять епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Таким образом, в XIX в. на народы Сибири воздействовала уже экономически окрепшая, подготовленная и идеологически оформившаяся миссионерская организация.

Огромный вклад в разработку идеи организации миссионерского дела внес архимандрит Макарий, возглавивший в 1830 г. Алтайскую миссию. Он настаивал на необходимости создания специального миссионерского общества, организации учебных заведений для подготовки миссионеров как мужчин, так и женщин, формирования особого сословия миссионеров, издания священных книг на языках аборигенов. Взгляды Макария на миссию основывались на той идее, что на Россию и россиян возложена особая задача по приведению непросвещенных народов к Богу. В дальнейшем эта идея под воздействием роста патриотических настроений в обществе, порой слабо балансирующих между национализмом и

шовинизмом, видоизменилась. Усилились призывы некоторых церковных деятелей не столько к христианизации, сколько к русификации нерусского населения.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н.И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний.

Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири.

К счастью, не все российское духовенство поддерживало идею о необходимости русификации «инородцев». По мнению иеромонаха Дионисия, опиравшегося на изучение исторического опыта миссионерского движения, только те из миссионеров имели успех в деле обращения язычников к Христу, которые преследовали чисто духовные интересы, желали только духовного блага язычникам и не применяли к этому никаких политических соображений.

Длительная полемика в религиозных и светских кругах об этических моментах христианизации дала положительные плоды: высочайшего указа на крещение не последовало. Более того, в своде законов Российской империи в части, касающейся язычников, было записано: «...сибирские инородцы, если не исповедуют христианской веры, имеют свободу отправлять богослужение по их обрядам и обычаям, а православное духовенство в обращении их к христианству имеет поступать по правилам кротким, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений». Было бы наивно предполагать, что это постановление полностью выполнялось, оно сыграло свою положительную роль – спасло государство от религиозных конфликтов, большинство миссионеров от греха насилия, а аборигенам Сибири дало шанс на сохранение своих религиозных верований и уникальной культуры. Именно эта отстраненность правительства от дел христианизации, за которую оно неоднократно подвергалось критике со стороны клерикальных кругов, дала простор для расцвета творческой мысли миссионеров и многообразия форм миссионерской деятельности в XIX в. (Главацкая Е.М., 1997, с. 95).

«Археологическое» отражение этих процессов представлено в изменении черт погребального обряда, в котором появляются «христианские мотивы», и обнаружении крестов тельников в погребениях аборигенного населения Сибири, как, например, в Тискинском могильнике, принадлежащем селькупам. А.И. Боброва (2007, с. 46–57) считает их для данного комплекса «подлинными символами христианской веры». «По существу, мы имеем дело с непосредственными следами миссионерской деятельности, когда при крещении сибирские аборигены получали кресты-тельники и помещали их вместе с умершими владельцами в могилу» (Молодин В.И., 2008, с. 23). Нательные крестики встречены и у коренного населения Омского Прииртышья – тарских татар (Татауров А.А., 2008, с. 384–396). Надо также заметить, что пока археологические материалы с памятников аборигенов не стали объектом специального анализа, который позволил бы дополнить и проиллюстрировать процесс христианизации или обратный переход в язычество, где, например, кресты использовались как украшение костюма.

Ставрографические материалы русских памятников более многочисленны. На сегодняшний день в Сибири в результате планомерного расширения археологических исследований русских памятников получен представительный ставрографический материал, позволяющий выйти на некоторые обобщения и создание на его основе каталога сибирских крестов-тельников.

Коллекции крестов-тельников и единичные находки были получены в процессе изучения академиком А.П. Окладниковым стоянки на острове Фаддея и избушки на берегу залива Симса, где найдены несколько датированных благодаря монетам тельников XVI в.; М.И. Беловым проводились исследования Мангазеи, и в центральной части города обнаружены остатки литейных мастерских и формочки для отливки крестов-тельников (Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981); в исследованиях, проведенных в 2001–2004 гг. в Мангазее Г.П. Визгаловым, С.Г. Пархимовичем (2008а), найдена коллекция нательных крестов; кресты обнаружены на памятниках, изученных раскопками в разной степени: Албазинском (Артемьев А.Р., 1996), Кузнецком (Ширин Ю.В., 2000), Саянском (Скобелев С.Г., 2005), Илимском (Василевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф., 1978) острогах; в Омской крепости; Березовском городище (Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., 2008, с. 166–178; Пархимович С.Г., 2008, с. 251–262). Единичные находки встречены

в ходе исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в долине реки Касьмы и ее притока Инь (Илюшин А.М., 2005, с. 289–194). В Омском Прииртышье в последнее десятилетие получена представительная коллекция крестов-тельников с сельских русских поселений XVII–XVIII вв. Изюк-1 в Большереченском и Ананьино-1 в Тарском районах Омской области.

Таким образом, за последние полвека в сибирском регионе накоплен представительный ставрографический материал, требующий систематизации, обобщения и сравнения его с коллекциями памятников европейской России. Тем более, что в отечественной исторической науке интерес к изучению крестов проявился уже в начале XIX в. Как исторический источник кресты использовали П. Кеппен (1855), К. Аверин (1826), граф А.С. Уваров (Макаров Н.А., 2004). Большой вклад в развитие русской ставрографии во второй половине XIX в. внесли архимандрит Макарий (1859), И.А. Шляпкин (1907) и А.А. Спицын (1903). Теме креста уделяли много внимания и другие ученые, и, можно с уверенностью сказать, что к началу XX в. ставрография являлась полноценной частью исторической науки. В советское время исследование креста и другой православной символики возрождается только к середине XX в., а роль ставрографии как науки восстановлена уже в настоящее время (Молодин В.И., 2008, с. 3–9).

Рассматривая крест как объект научного исследования, ученые предлагают два возможных подхода к его изучению. Первый подход – строго искусствоведческий, он направлен на изучение иконографии и семантики крестов. В русле означенного направления работало и работает значительное количество ученых-искусствоведов. Вторым подходом можно назвать историческим. Кресты-тельники изучаются при таком подходе в рамках исследуемых историко-культурных комплексов (прежде всего погребальных). Большую роль при таком подходе играет контекст памятника, «позволяющий решать проблемы, связанные с хронологией комплекса (а следовательно, крестов), включая и внутреннюю периодизацию, проблемы имущественной и социальной дифференциации, нюансы погребальной обрядности и т.д. Важное место при таком подходе занимает типологический анализ крестов-тельников» (Молодин В.И., 2002, с. 99; 2008, с. 24). К сожалению, рассмотрение «контекста памятника» пока позволяет проследить только «нюансы погребальной обрядности». Например, по материалам погребального

комплекса Изюк-I можно сделать вывод, что в мужской и женской выборках, несмотря на половозрастные особенности, преобладают мужские (Молодин В.И., 2001, с. 26–28) типы крестов (Татаурова Л.В., 2010). Определить по ним периодизацию или хронологию существования погребального комплекса весьма сложно, потому что нательные крестики хотя и могут выступать хронологическим материалом, так как по форме и семантике изображений их можно разделить на несколько хронологических периодов (Макаров Л.Д., 1996, с. 34–45), но самые ранние крестики, найденные на Изюке, можно датировать не раньше XVI в. Сравнение же ставрографической коллекции с материалами Илимского острога указывает на время ее появления: XVII–XVIII вв., «хотя подобные источники сложно датировать более точно» (Молодин В.И., 2007, с. 28). С этим тезисом нельзя не согласиться хотя бы потому, что крест мог передаваться по наследству и необязательно попасть в погребение в короткий срок после его изготовления. К уже сказанному, можно добавить, что датировка крестов лишь указывает на время существования памятника, а к периодам его истории мало что добавляет. Несмотря на высказанные предварительные наблюдения, коллекция крестов с памятников Изюк и Ананьино, которая составляет 228 экземпляров, нуждается в специальном исследовании и типологическом анализе.

В рамках исторического подхода проведено исследование коллекции крестов Илимского острога. На его результатах в 2007 г. была опубликована первая специальная работа, посвященная крестам, найденным в Сибири, – «Кресты-тельники Илимского острога» В.И. Молодина (2007). В монографии автор предлагает типологию крестов, разработанную по методике А.К. Жизневского и Э.П. Винокуровой.

Типология В.И. Молодина представляет большой интерес и может стать универсальной основой для систематизации ставрографических материалов сибирского региона, даже если это потребует выделения отдельных дополнительных типов и вариантов, что вполне естественно. Например, в Прииртышской коллекции присутствуют экземпляры, которые не уместаются в рамки «илимской» типологии по ряду признаков. Вероятно, отличия будут и в материалах других коллекций.

Подводя итоги, надо сказать, что систематизация всего сибирского материала в рамках одной коллективной работы позволит

подойти к решению многих важных вопросов. Во-первых, выявит все известные на сегодняшний день типы крестов-тельников, бытовавших в сибирском регионе; во-вторых, возможно позволит определить периоды существования выделенных типов и территорию их распространения; в-третьих, типология крестов Сибири позволит провести сравнительный анализ с одновременными изделиями из европейской России, возможно, определить региональные особенности; в-четвертых, позволит выделить конфессиональные особенности и центры изготовления тельников на территории Сибири и Урала.

Важным представляется изучение крестов-тельников и в искусствоведческом ключе – выявление семантики и принадлежность к той или иной иконографической традиции, которые были присущи разным районам Российской империи, влияние на культовую пластику разнообразных стилей светского искусства разных эпох.

В итоге систематизация крестов-тельников и изучение ставрографических материалов с памятников аборигенного населения Сибири, возможно, по-новому позволит взглянуть на распространение христианства в Сибири среди аборигенов и духовную православную культуру русского населения.

Библиографический список

Аверин К.О. О крестах в Зарайске // Труды и записки Общества истории и древностей российских. М., 1826. Ч. III, кн. 1.

Артемьев А.П. Останки погребенных защитников Албазинского острога // РА. 1996. №1.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. II.

Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007.

Василевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008а.

Главацкая Е.М. Христианизация населения Северо-Западной Сибири // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского ист. конгресса. Тобольск, 1997.

Илюшин А.М. Русское медное художественное литье в коллекции находок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.

Кеппен П.И. О Рогволдовом камне и двинских надписях // Ученые записки Императорской академии наук. СПб., 1855. Т. 3, вып. 1.

Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири. Омск, 2005

Макарий, архимандрит. Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1859. Т. 2.

Макаров Л.Д. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. №2.

Макаров Н.А. Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации северорусской деревни // Исторические записки. М., 2004.

Мельников Б.В. О миссионерской деятельности Русской православной церкви в Западной Сибири (XVIII–XIX вв.) // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского ист. конгресса. Тобольск, 1997.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. Красноярск, 2008.

Молодин В.И. Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Омск, 2001. Спец. вып.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.

Ремнев А.В. Как «чужая земля» становилась «русской»: народное историческое сознание в имперских стратегиях «обрусения» азиатских окраин // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск, 2008.

Скобелев С.Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.

Спицын А.А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки Русского отдела Императорского Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. VI, вып. 1.

Татауров С.Ф. Влияние русских переселенцев на жизнь сибирских татар (по материалам Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск, 2010.

Фролова Г.И. К вопросу о технологии выговского (поморского) литья) // Русское медное литье. М., 1993. Вып. 2.

Ширин Ю.В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII–XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы: материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000

Шляпкин И.А. Древнерусские кресты. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1907. Т. VI, вып. 2. С. 49–84.

А.П. Ярков

Тюменский государственный университет;

Тобольская научная станция РАН

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИСЛАМА В ЮЖНОЙ СИБИРИ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Во главе Золотой Орды
Есть хан, по имени Токтамыш,
Множеством народов вассальных,
Как слугами, управлял.
Брал он с них дань за имущество,
А из народа – слуг.
Признавал лишь свое разуменье
И жил как Тенгри.

В данном фрагменте средневекового эпоса «Едигей» упоминается правивший в Сибири Токтамыш, а *Тенгри* трактуется как один из синонимов *Аллах*, хотя иногда оно обозначает имя широко распространенного у населения Южной Сибири архаичного Верховного божества. И здесь надо принять за аксиому, что согласно исламским нормам ни один правоверный не мог жить как Аллах и, тем более, сравниваясь с ним. Поэтому необходимо признать, что ислам не являлся единственным источником духовности в регионе. Он здесь сосуществовал, хотя и весьма неоднозначно, с христианством и архаичными верованиями, а их приверженцы в процессе общения нарабатывали опыт толерантности. Забвение этого опыта